

Захар Прилепин. На мой взгляд, очень талантливый, сильный и харизматичный человек. Я прочитал многое из того, что он написал, и считаю самой интересной его работой (в плане аутентичности, оригинальности) роман «Санкья». Потому что об эпохе перемен мало кому удавалось так точно, образно и ёмко высказаться.

Биографический роман о Сергее Есенине «Обещая встречу впереди» — монументальная по объёму работа. Это качество всегда удивляет в Прилепине — работа с архивами, документами, мемуарами (и у специалистов в этом плане к автору могут быть вопросы и критические замечания)... Огромное количество документов, ворох... Иногда возникала мысль: а надо ли было так тщательно цитировать эти подробности, часто похожие на дурное кино — бесконечные пьянки и драки... такое ощущение, что сам переболел тяжёлой болезнью, кажется, даже страницы книги пропитаны алкоголем — хоть закусывай. Может быть, это сделано для того, чтобы читатель сам пришёл к выводу: в этой трагедии всё шло естественным ходом, её не могло не случиться, человек уже просто не мог жить, что это было, всё-таки, самоубийство... а не убийство. Прилепин рассуждает примерно так: да, это медленное убивание самого себя, но с другой стороны, возможно, эти стихи последних лет только так и могли написаться... И мы бы не узнали этих шедевров, за которые поэт заплатил своей жизнью, пусть и таким образом — так цените это! Но что-то не срастается в этих рассуждениях. Ведь мы всегда и за всё платим своей жизнью. Нам просто больше нечем рассчитаться. Если по большому счёту... Бога деньгами не купишь. Как и грешными страданиями. Ведь откуда мы знаем — что было бы, если бы. Ведь, таким образом, автор лишает поэта права выбора. Лишил. Оправдал. Оправдал ещё неизвестно что. Одни литературоведы отрицают самоубийство Есенина, другие склоняются к тому, что оно, всё же, было. Прилепин же слишком пристрастно объясняет самоубийство, делая его практически неизбежным, подгоняя под это чуть ли не всю историю России и литературы. Постфактум часто всё кажется неизбежным. Но и настаивающие на убийстве Есенина далеко не всегда имеют в виду отмывание поэта от смертного греха с обличением преступной власти. Среди этих людей вряд ли даже все религиозные. В этой трагедии действительно было много странного, до сих пор непонятного... Людей захлёстывают эмоции, они хотят разобраться. И каждый делает свои обобщения (неизбежные), часто не корректные (как и Прилепин, кстати, пытающийся всё анализировать, разложить молекулы на атомы, подключая художественный стиль изложения с аналитическими шахматными этюдами возможных исходов). Но... может быть, если бы Есенин не пил — написал бы другие, ещё лучше стихи, соскочил бы с этой иглы, разобрался бы со своим хаосом космическим, над которым кто-то очень умиляется, создал бы другие, непохожие на привычного себя вещи, оригинальные, не говоря уже о том, что прожил бы подольше... Но... человек свободен. И он отвечает за свой выбор. И за последствия своего выбора. Прилепин, осуждая авторов, настаивающих на версии убийства Есенина, призывая их

не фантазировать, одновременно активно выстраивает свой вариант мифа. Он там был? Он знает всё лучше современников Есенина и нынешних исследователей? Конечно, лицом к лицу — лица не увидеть... ресницы в ухо — это так щекотно... Но и издалека — тоже неважная оптика. Да и ландшафт меняется. Прошлое живёт своей жизнью. Посмертная участь уже ушедших людей — изменяется по молитвам любящих их и тем самым... оказывает воздействие и на прошлое, неразрывно связанное... с этим будущим. Поэтому для меня некоторые вопросы остались открытыми.

И всё-таки, Прилепин оценивает творчество Есенина как прозаик, а не как поэт. Особенность этой книги в том, что публицистический текст написан в художественной, узнаваемой манере самого автора, который пропустил через себя документы, архивы, воспоминания и воссоздал тот-и-уже-свой-мир. В этом есть свои плюсы и минусы. Например, описывая путешествие Есенина в Крым перед самой Первой Мировой, насыщенное множеством впечатлений, Прилепин удивляется, что Есенин не написал об этом ни строчки. Ну, было же у других поэтов — у Пушкина, Блока... Но у поэзии — свои законы и приоритеты, где нет... авторитетов и шаблонов. То, что для прозы — хорошо, для поэзии — смерть. Ну, не случилось «Прощай, свободная стихия...». Ну, не его. Есенин всё-таки родился не среди гор и морей, а среди лесов и полей. Хотя... Пушкин — тоже. И то, что для прозаика — необходимо и достаточно, для поэта — порой даже не необходимо. И совершенно не достаточно. Другая кухня. Другая плавильня. Хотя... в настоящей прозе, первого эшелона — Достоевский, Фолкнер, Толстой — тоже не всё так просто. Там тоже много поэзии, ассоциаций, непредсказуемости. С другой стороны — Прилепин выдаёт поспешные авансы Есенину на возможные успехи в прозе — за цветистость и образность языка в первых (и последних) прозаических опытах поэта («Яр», «Белая вода»). Не факт. Для прозаика этого недостаточно. У них свои стратегические задачи и многоэтажное мировосприятие. Есенинский космос стремился уложиться в несколько четверостиший. Я всё сказал. Чёрная дыра, поглотившая галактики. Тем более, что и в прозе Есенин уж точно бы не захотел быть на вторых ролях. Такова натура.

Кстати, уже в 1914 году петербургская пресса называла стихи Северянина и Маяковского так — «пошлые и вычурные словообразования» (по сравнению с есенинскими стихами). И имела на это полное право.

Прилепин, критически описывая заинтересованность в Есенине Городецкого и Клюева, сам незаметно превращается в кукловода, манипулируя поэтом, как марионеткой, погрязая в мелочах (объём книги больше тысячи страниц), пытаясь воссоздать реальность, а на поверку — очередную легенду. Это неизбежные издержки художественного изложения. И это... нормально.

«Елизавета Фёдоровна Гришку Распутина ненавидела...» А если бы Прилепин писал монографию о Николае Втором и царице Александре Фёдоровне? Сомневаюсь, что он бы назвал Распутина Гришкой... — Григорием Ефимовичем. Ведь тут несомненно и личные предпочтения сказываются. Но Прилепин — не великая княжна Елизавета Фёдоровна, которая была человеком кристально-чистым, религиозным, церковным и жертвенным. Похоронила убитого мужа, стала монахиней, и смерть приняла от советской власти как мученица. Она ушла из жизни раньше Есенина, который должен бы был её помнить. Но не помнил. Не считал нужным. И вот она имела право на своё отношение к Распутину. Но оно, всё-таки, другое. Отличное и от прилепинского, и от есенинского. Но что здесь важно ещё: и Елиза-

вету Фёдоровну, и Александру Фёдоровну со всей царской семьёй, и Есенина — убили большевики. Конкретно Распутина убил Феликс Юсупов с Пуришкевичем и компанией.

Тонкие тонкости со старообрядчеством, язычеством, неприятием «казённой церкви». А какая вообще церковь «не казённая»? Без храмов? Без священников? Без литургии? Без покаяния? Так это не церковь. Тут надо с самим собой разбираться — ничего нового в этом нет — эго диво! И при чём тут Никон? Старообрядцев давно оставили в покое. И расстреливали «казённых» священников, взрывали храмы — не старообрядцы, а большевики — не надо тень на плетень наводить и строить свой миф. То, что в душе Есенина была муть нечленораздельная в отношении к религии — это да, но не надо, фильтруя эту муть, чернить сухим грязным остатком всё Православие! «Перед нами не атеистический раж» — а что????!! «Тело, Христово тело выплёвываю изо рта» (!!!) — это не метафора! Есенину ли это не знать! И советской власти это очень нравилось! И Есенин знал, что советской власти это очень нравилось. За это власть прощала ему все его пьянки и скандалы: известный поэт — первый помощник в антирелигиозной пропаганде! Пример какой надо подаёт! Да и попробуйте эти стихи объяснить хоть как-то иначе! Не получится. И у Прилепина не получилось. Иначе придётся менять понятия, изобретать новый словарь русского языка. Расщепление Есениным иконы на щепки со смехом, чтобы растопить самовар (автобиография Есенина — журнал «Литературное приложение» № 11 — фельетон «Писатели о себе». Там есть и примечание: пропущена фраза Есенина «терпеть не могу патриарха Тихона», далее описание прихода гостей к Есенину — «так как не было щепок, то самовар поставили, расколов для этого две иконы, и мой друг не мог пить этого чая»). И — «Свет от розовой иконы на золотых моих ресницах»?! На самом деле — самолюбование. Не отражение своих ресниц надо видеть на иконе, а саму икону. И это всё не укладывается в моей голове. Прилепин сам цитирует парижское «Слово»: «...человек, рубящий иконы на щепки и печатно в этом признающийся, будь он трижды самородком, находится на столь низкой ступени культурного развития, что причислять его к числу истинно культурных людей — просто смешно...» Прилепин сам продолжает: раньше бы за такое он на каторгу пошёл. И это было бы очень правильно. Но Есенин был хитрый — знал, когда можно кощунствовать, при какой власти. Правильно, при атеистической.

Герой поэмы Есенина Чекистов, с которым поэт солидаризируется, говорит:

*Станный и смешной вы народ!
Жили весь век свой нищими
И строили храмы божии...
Да я б их давным-давно
Перестроил в места отхожие.*

В то время, да и в последующий советский период — к таким словам относились совершенно спокойно, с пониманием и даже с улыбкой — ну, хулиганит поэт, но Бога-то ведь действительно нет! А ведь так и было: противники «казённой церкви», язычники всех мастей, научные атеисты, большевики — выступили заодно — единым антирелигиозным фронтом. Хотя люди там были очень разные: и странноватый поэт Клюев, нетрадиционной ориентации, часто говоривший, что «ненавидит казённую церковь», и профессора университетов (Дмитрий Иванович Менделеев говорил, что из профессуры университета верующих людей осталось

только он да Иван Цветаев), и еврей-большевик Лейба Бронштейн (Лев Троцкий), ненавидящий Православие, но любивший Есенина, который эту любовь принимал, да и сам Сергей Есенин — гениальный русский поэт. И то, что он заявлял о своей нелюбви к патриарху Тихону, жалел, что не мог «поучаствовать в экспроприации церковных ценностей» во время голода в Поволжье, который Владимир Ильич хотел использовать как повод для подавления антиреволюционного элемента (читайте работы Ленина — там и об этом — чёрным по белому), — говорит само за себя. О каких шестнадцати «антисоветских посланиях» патриарха Тихона говорит Прилепин, оправдывая репрессии против церкви? АНТИ-РЕЛИГИОЗНЫХ, АНТИ-АТЕИСТИЧЕСКИХ — да! А как же могла реагировать церковь на безбожную власть большевиков? Как? И какое неподчинение в помощи голодающим? Да, патриарх отказался отдать церковные ценности — и правильно сделал, но он же и обратился к верующим с просьбой о помощи голодающим, и верующие принесли деньги, кто сколько мог — получилась огромная сумма, которую патриарх и передал властям! Об этом Прилепин умалчивает! А полуправда — есть ложь! К тому же советской власти нужен был только повод — патриарху ничего не простили, его просто уморили голодом, и собранные деньги не помогли.

Вообще, для бунтаря из народа такое отношение к «казённой» церкви — вещь обычная. Герой Есенина Емельян Пугачёв носил на груди крест, крестился на церковные купола и... убивал «казённых» священников, разрубал и обдираал иконы (у Пушкина в «Истории Пугачёвского бунта» это подробно описывается) — у Есенина были свои предшественники, было с кого пример брать.

Не только старообрядчество было далеко от элиты — от неё была далека и царская власть, в основе своей истинно религиозная: Николай Второй, Александра Фёдоровна, Елизавета Фёдоровна, её муж Сергей Александрович, Александр Третий, Мария Фёдоровна — были истинными христианами, безотносительно к старообрядчеству. И при чём тут «народная справедливость» и старообрядчество? Вообще, насколько сам Прилепин религиозен? Он понимает вообще, что пишет, чтобы говорить о таких вещах? Всё было гораздо сложнее. Власть действительно сравнивали с антихристом — но во времена Никона, затем — Петра Первого. «Старообрядчество далеко от религии»??? От определённых функционеров — да. Религия — в переводе с греческого — связь с Богом. Связь далека от связи? Это функция, процесс, тело Христово. Ты — либо там, либо — нет. Каждый персонально, вне зависимости от конфессии и церковного прихода... Упоминание же Христа Блоком и Есениным — это вечный литературный образ, приём, который не с них начался и не ими закончится.

Нам не только никто не принадлежит — мы сами себе не принадлежим, тем более — поэт. Поэтому и у поэтов всё гипертрофировано — либо он идёт гибельным путём, либо... ангельским. При земной жизни часто наблюдается смесь (смерть) и того, и другого, как и у Есенина. Но что-то в конце концов пересиливает, либо... ожидает дальнейшей развязки уже за порогом смерти по итогам окончательного влияния творчества ушедших поэтов и... молитв за них любящих их. Мы же — можем только предполагать. Я могу только надеяться, что Бог простит Есенину его прегрешения, как и нам всем. Потому что отношения людей не прекращаются со смертью кого-то из нас: молитва — утром и вечером, постоянно. Иначе — пустое место — наша любовь, пустое место — наши дела. И дом без молитвы — хлев. Причём, не Вифлеемский. Покуда длится жизнь нашей земной цивилизации — возможно, до тех пор и будет решаться наша участь, а также у же

ушедших — Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Толстого, Цветаевой, Ахматовой, Гумилёва, Мандельштама, Пастернака, Есенина — до тех пор, пока мы живы, мы должны и сейчас и потом — думать о них, читать и перечитывать их, молиться за них. Ничего не закончено. Недаром Есенин, уже в конце жизни, упросил свою сестру Сашу помолиться вместе с ним... и они, стоя на коленях, вместе молились. Как умели.

Поэзия, как и религия — вне морали, выше морали. Но это не означает, что поэзия — безответственна, что ей всё позволено. Там, где всё позволено, Бога нет — это ещё Достоевский сказал. Есть вещи не то чтобы непозволительные, но взаимоисключающие, несовместимые с человеком, с жизнью, с Богом, когда человек уничтожает сам себя. И здесь ничем помочь нельзя. Это обратная сторона свободы.

И потом, разве Есенин не знал, что власть большевиков — атеистическая? Поэтому — разбирайся со своим космосом и противоречиями сам, со своим «индивидуальным христианством». Но гражданская война — война, но слово — поступок. И надо выбирать. Есть несводимые противоречия.

В обобщениях эпилога Прилепин более точен, чем в тотальных опровержениях разных версий смерти Есенина, в утомительном разборе вороха цитат, документов в предыдущих главах. И дело не в «недолюбленности» Есенина, не в пристрастии к скандалам. Сам-то он разве любил — своих жён, детей? «Я с холодком». Просто любой поэт — действительно заложник своего дара. Поэзия — всегда главное для него. А как уж устроится его личная жизнь... Как повезёт. В основном везёт не очень. Но и Ахматова, и Цветаева, независимо друг от друга, говорили: если ты получил поэтический дар — забудь про личное счастье и богатство, потому что ты уже всё получил.

То, что люди за семьдесят лет «не проговорились» о смерти Есенина — это как раз естественно. Есть вещи, о которых опасно помнить. Прилепин сам — ещё тот конспиролог и фантазёр. РЕАЛЬНЫЕ ФАМИЛИИ убийц Есенина (если таковые были), скорее всего, и не были названы. Никем. А верить органам ГПУ, что сейчас, что тогда... блаженны верующие. Какова цена таких справок, выданных по запросам? «Вы же никого просто так не убивали?» — «Нет, мы никого просто так не убивали». Мы им подсказываем ответ.

И такое чувство, что Прилепин точно его знает. А его никто не может знать на сто процентов! Вот так — в венке сонетов вначале пишется центральный (собирательный) сонет, потом расписываются остальные. Как в преферансе. Как в математике. И лишь у гениальных дилетантов или гениев, как Моцарт и Бах — в голове звучит сразу вся партитура. У Прилепина не может звучать в голове вся партитура. Да он и не жил тогда. И центрального сонета у него нет. Да, я понимаю, что в творчестве, как и в изучении иностранного языка, свобода — прежде правил и знания. Так же, как и в любви свобода — прежде всего. Понятно, что Прилепин изначально верит в то, что говорит (искренне). Поэтому он тотально и скрупулёзно, не без иронии, отмечает все другие версии. Но это можно делать только тогда, когда ты абсолютно точно знаешь все факты, все скрытые пружины, всех участников событий. Достоевский говорил: нет ничего фантастичнее живой жизни. Всё могло быть. Кроме того, какие-то дела до сих пор засекречены. И справок по ним не выдают. Нельзя до конца рассчитывать на откровенность государства в каких-то вопросах. Аппарат подавления и секретные службы никто не отменял... И... увозили Есенина в морг, конечно же, другие люди, которые, скорее всего, не

имели ни малейшего представления о том, что там до этого случилось на самом деле. Ведь речь идёт не о том — послужили ли раны на голове и теле Есенина причинами смерти, а о том — откуда вообще эти раны, кто и как их нанёс? Сам ли Есенин? Труба ли отопления? Родственникам и близким друзьям в этих случаях я бы доверял меньше всего. И бывшие на похоронах — что они видели? Спешно загримированное лицо великого поэта? Следствие действительно велось далеко не идеальным образом. И власти, до этого нянчившейся с Есениным, возможно, уже поднадоело с ним возиться. Слишком громким и независимым голосом он стал обладать. Да и пьёт много... говорит много... скандалит много... непредсказуем... Гумилёв — уже расстрелян (и не надо издеваться: мол, кричал везде о своем монархизме; не кричал; просто не по-есенински, без конформизма жёстко ответил: «Сейчас нет поэта Гумилёва, есть офицер Гумилёв»). Ганин — уже расстрелян. Есенин — уже допрошен. Троцкий — уже в опале. Сталин начал разбираться с конкурентами. Мельница начала набирать обороты. Очень скоро (Прилепин сам перечисляет) начнутся аресты и расстрелы есенинского окружения: поэтов, режиссёров, актёров... Насильственные смерти Зинаиды Райх, Устинова... Тотально. К тридцать седьмому году расстреляют почти всех. Поэтому доказательства свои надо выкладывать не читателям-дилетантам, а историкам, специализирующимся по теме «русская литература времён февральской, октябрьской революций и далее, 1917 — 1937 годы» и экспертам-криминалистам.

И как можно вообще с такой безапелляционностью рассуждать в двадцать первом веке о подлинных мотивах, причинах, обстоятельствах смерти Есенина? О его реальных отношениях с властью? Было и то, и другое. Ганин — расстрелян, как пишет сам Прилепин, по сути — ни за что. Опасен. С Есениным — сложнее. Слишком легко авторы манипулируют такими именами, как Сталин и Троцкий. Поспешное сжигание рукописей Есениным у Изрядновой? Прилепин ведь сам говорит, что Есенин не очень-то следил за своими архивами, остающимися у его жён. Ну, лежат, да лежат, пылятся по шкафам... И всё-таки, был ли травмирован Есенин? И не надо здесь паясничать (Прилепину). Свидетели и эксперты не случайно повторяли — на лицо Есенина было наложено очень много грима...

Рассуждая о причинах смерти поэта, меньше всего надо слушать самого поэта, ссылаться на его высказывания, а также на мнения его близких и друзей. Они не объективны. И они должны быть не объективны. Хирурги стараются не оперировать своих близких. И это не примета. Здесь необходимы точность и холодный расчёт, не дрожащие руки...

Книга Прилепина — сплошное исследование. Возможно, в этом и её ценность, а не в конкретных выводах. Но, в отличие, например, от многовариативности причин и следствий в исследовании-повести Маркеса «Хроника заранее объявленной смерти», где Маркес оставляет вопрос открытым, одинаково скрупулёзно и гениально отдав дань всем версиям, Прилепин — не объективен, и ревниво проталкивает исключительно свою версию. Остаются всё те же простые вопросы, требующие простых ответов. Упрямо повторю: был ли, всё-таки, избит Есенин? Действительно ли (по свидетельствам некоторых людей, в их числе секретарь комиссии по похоронам Павел Лисницкий) — один глаз у него вытек, лицо деформировано от соприкосновения с трубой?

Прилепин в стиле есенинской автобиографии продолжает выстраивать миф о Есенине, в том числе и о его смерти. Цитирование поэта — не в счёт. В исследовании смерти Есенина, так же, как и Маяковского — очень много неясностей. Всей своей книгой Прилепин выстраивает большую модель отношений власти и

поэта, о том, как власть любила его и не была заинтересована в его смерти (любил Троцкий, но лучше бы — Сталин, да и кто может сказать точно — в чём заинтересована власть?). Ведь, понадёргав цитат из тех же свидетелей, можно выстроить и другую модель.

Судебно-медицинскую экспертизу абсолютно не должны волновать вопросы политического или литературного характера, например, были ли мотивы у власти убивать Есенина — это именно что литература и политика. Эксперта волнует одно: как, когда и кем было совершено это деяние. Что именно происходило в последние часы жизни поэта с точностью по минутам. И только потом уже определяется его статус: убийство или самоубийство, либо доведение до самоубийства. Ведь важно также не то, могли ли теоретически (геометрически) предметы, находящиеся в комнате, быть достаточными для того, чтобы человек, воспользовавшись ими, мог самостоятельно уйти из жизни, а важно то, в каком именно положении находились эти вещи после совершения самоубийства или убийства. Потому что убивший себя человек уже не мог как-то иначе специально расставить предметы. А убийцы могли. Очень серьёзные ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ эксперты до сих пор не могут дать однозначную оценку этому событию. Например, Елена Койнова, доцент Тольяттинского государственного университета, член международного есенинского общества «Радуница»: «Я согласна с основным кругом специалистов, которые утверждают, что на сегодня нет абсолютных доказательств ни за убийство, ни за самоубийство». Профессор Чернозитов Евгений Васильевич, имеющий двадцатилетнюю судебно-медицинскую и психиатрическую практику, говорил о необходимости повторного судебно-медицинского исследования. Начать с того, что фотографии повешенного Есенина не существует. Почему? Ведь после снятия тела — фотографии есть. Вопросов много. Начиная со свидетелей, показания которых расходятся с реальными фактами. Кстати, Вольф Эрлих, которого так старательно отмывал Прилепин, что он, как и остальные товарищи Есенина, не служил в НКВД, на самом деле служил, и до своей смерти дослужился до капитана НКВД. По показаниям управляющего гостиницей «Англетер» Назарова, он никогда не бывал в номере 5, где повесился Есенин. На самом деле, по свидетельству его жены — Назаровой А.Л. и дочери Цкирия — Тамары Ипполитовой-Лысенко — он там был вместе с Цкирия накануне поздно вечером и уже видел повешенного Есенина, именно они его сняли с петли, но после телефонного разговора опять повесили, для того чтобы подтвердилась официальная версия о самоубийстве уже 28 декабря, утром, когда Есенина повторно вынут из петли. А перед тем — Назаров молча откроет номер, и, не заходя в него, куда-то спешно уйдёт. Кроме того... действительно, управление ОГПУ, в подвалах которого производились расстрелы, находилось рядом с «Англетер». И действительно, «Англетер» был под надзором ОГПУ. И действительно, в «Англетер» из управления ОГПУ существовал подземный ход. Вечером 27 декабря к Есенину никого из его товарищей не пускали, кроме Эрлиха, который имел свободный вход. Ложные показания дал Устинов: на момент описываемой встречи с Есениным, последний был уже на самом деле мёртв. Последнее стихотворение Есенина, написанное кровью, после анализа этого листка, старого, согнутого пополам листка, оказалось на самом деле давно вырванным листком из блокнота кавказской тетради, в которой Есенин делал записи в Батуми, где у него из-за климатических причин шла носом кровь... Очень может быть, что именно тогда это стихотворение и было написано. И посвящено изначально было не Эрлиху. И вот вопросы, которые задают многие эксперты, на

которые нет вразумительных, точных ответов: почему в номере Есенина после самоубийства был такой беспорядок, который не мог иметь прямого отношения к самому самоубийству? Откуда и чьи пятна крови на ковре? Раны Есенина: ссадина под глазом, рана с внутренней стороны правого плеча, которую он сам себе не мог нанести. Все эксперты говорят одно: заключение о смерти Есенина не соответствует исследовательской части акта судебно-медицинского исследования. Окоченевшая рука: у висящего человека рука окоченеть не могла — это на 100 %. Потому что тело неизбежно расслабляется после наступления смерти. Вмятина на лбу — очень похожа на удар рукояткой револьвера. Наличие пены в трахее и гортани. По положению головы после снятия с петли можно было с уверенностью сказать, что позвонки всё-таки сломаны, язык, как у повешенного, не высунут. Рубаха — в крови. Рисовавший тело Есенина, снятого с петли, художник Сварог тоже настаивал на версии убийства. С высотой привязанной петли к трубе отопления под потолком тоже проблемы: прав С. Куняев — просто так нельзя складывать рост человека, длину его руки и высоту имеющихся предметов, так как рука растёт не из головы, а из предплечья. И получается, что человек ростом 168 см никак не мог укрепить петлю под потолком «Англетера». Сами криминалисты говорят, что уже только при таких странных обстоятельствах, наличии ран на теле — о версии самоубийства говорить просто нельзя. Сразу после смерти Есенина провозгласили «великим национальным поэтом», а спустя две с половиной недели, после завершения 14-го съезда партии и разборки Сталина с Зиновьевым, Троцким, Есенин срочно стал «кулацким подголоском» и на 25 лет был изъят из упоминаний и цитирований в положительной коннотации, его какое-то время не издавали. Есть очень серьёзный фильм-расследование «Тайна гостиницы «Англетер» режиссера Ясногородской, в котором очень спокойно и достойно излагаются факты, цитируются документы, предьявляется переписка участников событий и их высказывания. Сами создатели фильма критически относятся к версии политического убийства Есенина — на этот счёт нет чётких доказательств, но возможны иные причины — личного, должностного, экономического характера. Хотя бы, например, ссора Есенина с ответственными работниками в «Интернационале», где он грозился разоблачить их перед Кировым, с потерей ими «доходных мест». Могло быть и что-то другое, чего мы уже никогда не узнаем...

Но эти факты говорят, скорее всего, о том, что Есенин готовил плацдарм для новых свершений: перед отъездом в Ленинград он окончательно рвёт отношения и с Софьей Толстой, и с Галиной Бениславской, у Анны Изрядновой сжигает свои рукописи, берёт с собой в Ленинград четыре чемодана с кучей вещей. Человек, решивший умереть через несколько дней, навряд ли бы стал это делать, тем более Есенин, который был в определённом смысле... эгоист, не любитель лишних движений. Да и потом — действительно, зачем? Если всё равно вскоре уходить из жизни. В таком состоянии человек о другом думать будет. И уж уйти из жизни можно было бы намного проще и легче. Слишком много эквилибристики. Такое ощущение, что Есенина резко вырвали из активного, бурного, пусть и пьяного, образа жизни. Алкоголь, конечно, мог повлиять на завершение жизни Есенина, но, скорее всего, только в виде цирроза печени.

Прилепин подчёркивает и такую мысль, что якобы родственники Есенина сразу же приняли версию самоубийства. Во время похорон все открыто говорили только об этом. Кроме Лавренёва. Но уже в наши дни все родственники Есенина написали письмо, адресованное к руководству страны, с просьбой о проведении повторного расследования причин смерти их знаменитого родственника, по при-

чине большого количества до сих пор вразумительно не объяснённых фактов и наличия противоречивых заключений.

Иван Алексеевич Бунин. Он имел полное право на свою оценку творчества и Есенина, и Маяковского, учитывая отношение Бунина к советской власти и Ленину. Литераторы не всегда друг друга любят, тем более в эпоху перемен, революций. Толстой не любил Шекспира. Ну и что? Не один же Есенин имел право на свои обиды. Да и жизнь сама показала нежизнеспособность и несправедливость рухнувшего советского государства, построенного на крови и насилии. Кроме того, отношение власти к Есенину — это исключительные отношения, которые по итогу ничего не изменили в судьбе и Есенина, и его окружения.

Дело не в том, считал или нет Есенин себя ангелом-гением, а в том, что в его творческом алгоритме безусловно присутствовал разрушительный, самоуничтожающий элемент, опасный для самого творчества, как такового, ограничивающий его, ставящий ему предел. Беспредельность — только в Боге. Потому что — и талант от Него. А в Есенине его почитатели обожествляют боль и излом. Как нечто самоценное. Но боль — это только боль. И ничего больше. Как говорила доктор Кади доктору Хаусу в сериале «Доктор Хаус»: «Твоя боль — это только твоя боль. И ничего больше. А твой талант диагноста — это твой талант диагноста».

Книга Прилепина — тот самый случай, когда актуален вопрос: а надо ли всем читать это исследование? Разочаровываться и огорчаться всегда тяжело. Знания умножают скорбь, как сказал Экклезиаст. Узнал ли я что-то принципиально новое о творчестве Есенина? — Нет. Чем-то вдохновился, поразился ещё? — Нет. Но — расстроился, заболел, словно выпил горечи. Это как (слабая, конечно, аналогия) — слушаешь, например, не зная английского языка, песни любимых рок-групп, и поражаешься всему... там голос выполняет роль одного из абстрактных чисто мелодических инструментов (что отчасти так и есть). Странность и непостижимость. И вот, случайно узнав переводы песен, вдруг разочаровываешься: ах, вот вы, оказывается, что имели в виду... Хотя, возможно, и не это имели в виду. Просто музыка оказалась изначальней, главней, точней, она уже всё сказала, а слова — не дотянулись до её уровня, оказались случайными.

Прилепин на самом деле очень прагматично и жёстко расчислил Есенина, ограничив его творчество открытием и закрытием разных тем. Но темы — темы. И всё? А сама жизнь? А бесконечные неожиданности? Поэт любой гениальности — всего лишь ретранслятор. Как и ангел. Вестник. Дудка Божья. Поэтому не надо из себя пророка делать. С ума сойдёшь.

Не пойму — кого Прилепин уговаривает или заговаривает, говоря о кризисе Есенина в 1925 году? Мол, не было у него другого выхода... Адвокат не скажу кого... Многие наркоманы и алкоголики, бездарные и талантливые, следуя курсом опьянения и дурмана, рано уходили из жизни. Но совершившие сумасшедшее усилие, противорывок — выжили, соскочили с иглы. Вот она — подлинная свобода. Жить или умереть. Гениальный гитарист LED ZEPPELIN Джимми Пейдж, долгое время сидевший на героине (а это посильнее водки), похуевший в два раза, ставший легче собственной тени, теряющий сознание, падающий со стула на концертах, сказал однажды своей любимой девушке Лори Маттикс: «Я покончил с героином... И знаешь, сколько мне для этого потребовалось времени? Четыре дня». Четыре дня — по-мгновенная бесконечность одиночества, ломки, мучений — физических и моральных. Но потом — освобождение. И оно стоит того. Но очень многие оказались не способны на это. И умерли молодыми. Рок-н-ролл мёртв, а я ещё нет... Сейчас догоню. Догонюсь.

Галина Бениславская. Это реализованный вариант Грушеньки Достоевского из «Братьев Карамазовых». Реализованный, потому что Есенин — не поляк, реально — свистнул и реально — пошла за ним.

В поэте литература важнее, чем жизнь. За этим и пришёл. Сама смерть — лишь очередная необходимость, поворот трагедии.

Для Есенина создание своей биографии как мифа, легенды, было продолжением литературной игры и создания художественного образа, где в центре — сам поэт.

Но художественный стиль изложения документального, биографического произведения, что является противоречием между формой и содержанием — условно, конечно — грешит противоречием: более лёгкое, эмоциональное чтение и... неизбежные издержки фантазии в додумывании автора. Настораживает и безапелляционность Прилепина (у Есенина научился, действует в его духе, Есенин подчинил его себе!), когда он «правит», «уточняет» современников Есенина: «он этого не делал», «она этого не говорила» и т.д. Боже мой, ну кто сейчас может это точно утверждать? Потому что один мемуар опровергает другой нуар?

Почему Есенин «запал» на Троцкого? Потому, что тот, назвав поэта «государственной собственностью», тем самым выразил ему признание в его необходимости для всей страны. А Есенин очень хотел быть нужным стране. Хотя бы и в виде этой власти. И зря.

Да, Есенин многому научился. У Блока. У Клюева. Период ученичества был почти у всех, включая Пушкина и Лермонтова. Но космогонизм Есенина для меня — это смесь Православия, пантеизма и язычества. И в этом тоже нет ничего особенно нового. Всё уже было. Особенность здесь в том, что Есенин очень национален. Он действительно любил свою страну, русскую природу. А страна — это, прежде всего, что? Кто? Люди? Тогда опять проблемы. Всё-таки, мне ближе природный, пейзажный Есенин. Лирика? Всё то же «Я с холодком». Никаких обязательств. А это, в общем-то, банально. Цветаева для меня — более гениальный поэт, могла и бытом заниматься, и картошку чистить, и бельё стирать, и переводы делать, чтобы содержать свою семью. Её внутренний мир был не менее потрясающий, культура — глубже. Это моё мнение. Хотя, и не только моё. Достоинство, которое было у Цветаевой, Ахматовой, Гумилёва — Есенину заменила гипертрофированная жажда всемирной славы. Тем более что принципиальностью и стойкостью этих поэтов Есенин не обладал. Всю жизнь ссылающийся на то, что он вышел из народа, его органическим элементом никогда не был, крестьянского труда не знал, будучи хитроватым мужичком, от войны — откашивал, везде умел приспособиться, был нормальным конформистом, в отличие от нонконформизма Цветаевой и офицерской обречённой чести Гумилёва. Есенин умел влюбить в себя и московскую, и питерскую богему, и Блока, и Клюева, и Брюсова, и великих княжон — дочерей Николая Второго, и Елизавету Фёдоровну, потом расстрелянных, о которых Есенин даже и не вспоминал после... И уже потом, когда понял, что нужен власти, стал хамить, дебоширить, пить... потом извиняться, снова пить, снова извиняться, бить зеркала, как опившийся купчина... Лика своего не переносил...

А представители института монархии, начиная с Екатерины Великой, мыслящего дворянства, литературной оппозиции, которая была ещё до Пушкина, — бились над вопросами более справедливого социального устройства, которые Есенин захотел разрешить за время своей юности и молодости, не имея ни таланта, ни необходимого культурного уровня, накопленного поколениями — да, да, да...

Восхищение Прилепина — это его влюблённость в Есенина. Хотя это тоже нормально. Ну, он так слышит. Потому, что о какой такой стране они мечтают? Её действительно нет. И быть не должно. Россия, даже в своём божественном проекте, это совсем другое... И для этого не надо храмы рушить и иконы рубить, ругая «казённую церковь». Для Есенина — крестьянство, и революция, и советская власть — были, скорее всего, художественными образами в его системе координат, а не чем-то личным, фактическим, выстраданным, поэтому и впоследствии принесшим страдание, боль, разочарование — например, Бунину, Гумилёву, Ахматовой, Цветаевой... На поверхности остались противоречивые поступки Есенина, конфликты с коллегами по цеху, с властью (в пределах разумного): за границей он её (власть) — защищает, в России — с ней конфликтует, обижается на неё, требует денег и любви. Но с Пушкиным бы я его точно не сравнивал.

Пушкин на вопрос Николая Первого, где бы он был, если бы находился в Петербурге в момент восстания декабристов, честно ответил — на Сенатской площади, с бунтовщиками. И царь его уважал за это. Есенина власть подобным образом не уважала. Она с ним нянчилась, как с капризным ребёнком — это сравнение не раз использует и Прилепин. Ну, потому что это так. Всё-таки, дворянская честь — это что-то растворённое в крови. Это другая жизнь. Другая участь. Другая судьба. Другой генотип. Другой словарь. Другие образы. Другая боль. Это Гумилёв мог вызвать восхищение у расстреливающих его красноармейцев: «Красиво умирает, гад!», когда тот, покурив, отбрасывает сигарету и спокойно глядит в глаза палачам. Или как Колчак командует собственным расстрелом в Иркутске, на реке Ушаковке... Они не нуждались в жалости, как Есенин. Враги их боялись и уважали. И Цветаева... Марина Ивановна... в Елабуге... в простоте карандашной графики уходит из жизни — минималистически просто и одиноко, не сняв кухонного фартука, оставленная всеми, переживающая только за сына, дочь и мужа, уходит, чтобы не мешать сыну жить... Мне — вот это большее. Неизмеримо. Для Прилепина свет клином сошёлся на Есенине, словно до него не существовало русской поэзии. Но и это нормально... Пусть будет. Должен кто-то его так сильно любить и думать о нём. У него должны быть свои ходатаи перед Богом. Пусть будет так. Это, кстати, может быть более важно для самого Прилепина.

Повторю: Прилепин пишет публицистику о Есенине языком своей художественной прозы. Как заинтересованный адвокат Есенина. Свобода и любовь — прежде знания и закона, фактов. Как и в творчестве, как в изучении иностранного языка. Прежде, изначально — симпатия. Оправдывая всё, что можно и нельзя. Прилепин — это неубиваемо симпатизирующий взгляд на поэта. Алкоголизм Есенина, драки, скандалы, избивание Айседоры Дункан — мол, он поступал, как обычный русский крестьянин... Хотя сам же Прилепин оговаривается — ни отец, ни деды Есенина так вот именно не делали... отец — вообще непьющий был... ну, они — исключение... Теперь мне хочется криво улыбнуться Прилепину — ну, да, ну, да. Но, почему он лишает его свободной воли и ответственности, заранее оправдывая всё? И то, что он якобы не написал бы этих талантливых стихов за границей, не будь этих дебошей и алкоголя... чем хуже — тем лучше. Китайщина. Да откуда же мы это можем знать?! Что было бы, если бы он не пил. Цветаева в эмиграции выдавала великолепные вещи, ничем не стимулируя себя. Просто за счёт таланта. И работы.

После прочтения этой книги — моё отношение к Есенину конкретизировалось, углубилось, стало более болезненным. И не в лучшую сторону. Поэтому,

читайте лучше стихи. И не надо лезть в биографии. Оставьте их хладнокровным литературоведам. У них на это иммунитет. Понятно, что произведение — лучше автора, но не до такой же степени...

В чём был прав Есенин в оценке Блока: трагедия перемен, вечный поиск красоты, который и перемолол самого Блока. Но у Блока было чистое горение, серафичность, чего не хватало Есенину. То, что у него было от Блока, — перемешалось с кровью и алкоголем. И эту смесь приняли за оригинальность — не как непосредственный элемент (это, к счастью, не отразилось), а как мотиватор. Насчёт подлинной оригинальности: под Луной её мало осталось. Мы часто выдаём за неё что-то другое. То, что нам нравится. Но только чистый беспримесный талант даёт шанс на сотворение подлинного шедевра. На все времена.

Айседора Дункан. Всё-таки, есть смысл в её эпатаже: «Лучше свобода, чёрный хлеб и водка в России, чем жизнь при вашем капитализме!» (американцам). Всё было бы так, если бы в России была действительно свобода. И не было бы террора, гражданской войны. Но... в то время люди что-то понимали — то, что опять забыли (или не знали?) мы: оппозиционное дворянство, в отличие от нас, хорошо знало, что такое хорошая жизнь и комфорт. Этим их не удивить. И слава Богу. И Америке они никогда не завидовали, как мы. Потому, что понимали: есть более важные вещи, о которых мы просто не знаем, или опять забыли, поставив во главу угла реальные блага: голодные и бедные должны вначале наесться, напиться, закупить вещей и поехать по миру. Но это не может быть главной целью жизни. Которая — ОДНА! И тратить её надо сразу же на это самое главное! Поэтому дворянское сословие, даже и не будучи богатым, не накопив впечатлений от путешествий, за всем этим не гонялось — у них это было уже в крови: знание подлинного. И цена ему. Они ценили прежде всего свободу.

Монографией о Есенине Прилепин сразу же убил двух зайцев: Мариенгофа и Клюева. Шучу. Разобрался в подробностях жизни любимого поэта — раз. Да ещё книгу издал в серии «Жизнь замечательных людей» — два. И вообще... «Ботинки, полные горячей водкой» Прилепина — хорошо рифмуются с поэзией Есенина, да и почти всей его жизнью — почти точная рифма. Я серьёзно. Но ни тот, ни другой — не мои герои. Хотя уважаю и ценю обоих. Ибо талантливы. Но Прилепин, возможно, имея некие задатки беспредельщика, и эмоциональный строй, рифмующийся с есенинским, сумел по факту сойти с этого пути, выйти из штопора, стать неким «государственником». Иначе бы не написал ничего, кроме «Санкья» и «Ботинок, полных...». Ушёл бы вслед за Есениным, полностью срифмовавшись смертями. Слава Богу, этого не произошло. И вот теперь Прилепин получил возможность воспеть любимого поэта. Ну, и хорошо. Любит — и хорошо. Правда, странно как-то воспел... Создал повод для бесконечных споров.

Абсурдная фраза Айседоры Дункан о «прогессе духа» — но разве у духа может быть прогресс? Это заданная изначально максима. Бог дал. Будем исправлять?

Неглупая мысль Ильи Эренбурга: «(Есенин) пробовал изобразить социальный переворот, как угодную Господу жертву». Как будто бы она была нужна Богу. Это следствие греха — этот переворот. Греха безмолвия народа. Продажности элиты. То есть, мы нашкодили, а потом свою шkodливость и наши мучения из-за этого хотим подороже Богу же и продать.

И вот неглупая мысль из пражской газеты «Воля России»: «Хотят выдать Российскую Голгофу за всемирное Воскресение и покрыть туманно-мистическими пространствами ужасы и безумие коммунистической действительности».

В США Есенин лгал про Гумилёва: «он держал себя очень высокомерно. Всюду кричал: я монархист. У него на квартире собирались контрреволюционеры, были найдены бомбы». Ложь. И практически — донос. Гумилёв — высокомерный? — да. Потому что — перед большевиками. В отличие от конформиста Есенина. Но за это не расстреливают. Гумилёв уже давно из той организации вышел, хотя и принадлежности к ней ранее — не скрывал. Почти как с Достоевским. И не кричал он везде о своём монархизме, потому что он вообще не любил декларировать что-то и о чём-то кричать. Это Есенин по себе судит. Хотя Гумилёв и не скрывал своих приоритетов и в случае вопроса — давал точный ответ. Он просто монархистом был. Но монархизм свой никому не навязывал. Потому что это и невозможно. Тем более, после революции. Бомбы не хранил. Расстрелян за свою несговорчивость и неприятие советского строя. Прилепин, говоря о Гумилёве, мыслит, как пролеткультивец: «Отличный офицер», «гражданскую войну проигнорировал», «зачем было пытаться восстанавливать монархию в 1921 году...» Да не пытался он её восстанавливать, просто не скрывал своих предпочтений. Так же можно и сейчас быть приверженцем монархии, как наиболее оптимального для России государственного строя. Конституционная монархия — начиная с декабристов, идеал государственного строя для многих мыслящих людей.

Есенин не воспринимал Маяковского как поэта. И правильно делал. Почему? Потому что этот не-поэт опустил поэзию до просто обслуживающей, чисто социальной функции (как Кантемир, Тредиаковский, Ломоносов). Плюс авангардный эпатаж. Причём, тут уже не важно, о чём именно он писал — восхвалял ли власть, обслуживал её, эпатировал ли, решая социальные вопросы, которые не являются предметом поэзии. Если Есенин был одарён от Бога, чувствовал, что поэзия — это, прежде всего, чудо, то Маяковский был ремесленником и фокусником, «делающим» стихи, по его же определению. Если ремесло и фокус — поэзия, тогда Маяковский — поэт. С чем вас и поздравляю. А вот с тем, что «Пушкин был больше всех» (Есенин) — совершенно согласен. Здравая мысль.

Но что такое лирика Есенина? Поэзия сама по себе, как идея. Совершенно оторванная от его личной жизни. Взаимобратной связи не было. Прилепин сам говорит, что для Есенина главным было — его фантазии, игра в пророка. Красивая жизнь! Ух, и заносило его. Не ходил — а парил над землёй... Чего уж там речь свою контролировать... Попытка игры в падших ангелов. Есенин выбрал себе «мужицкую Русь» скорее как символ, ведь «мужиком» он никогда, по сути, не был — ни пахал, ни сеял, ни жал. То приказчиком, то рассыльным. То санитаром. Дух народный, всё же, усвоил, как... сказку, притчу.

Вообще, художнику нехорошо всегда. Он не то, чтобы в перманентной оппозиции. Он дистанцирован. Отделён. Он ищет. Красоту. Ускользящую. Но вот против Бога ли он... это уже имеет отношение не только к искусству, но и к душе, к вечности.

Прилепину — кто заблудился? Ходасевич? Бунин? Ни Ходасевич, ни Бунин ничего и не обещали и никуда не призывали. Констатировали. Обещания раздавал Есенин от имени каких-то неведомых высших сил и своего полу-языческого пантеистского Бога. Никакой Инонии нет — говорили и Ходасевич, и Бунин. И они были правы. Жизнь и литература подтвердили их правоту. Они просто зафиксировали крушение Империи. Жить в России им было уже невозможно. Не знаю, как насчёт Ходасевича (не мой герой), но Бунин был и оставался русским писателем, не важно — сколько он ещё написал в эмиграции. В революции он участия не

принимал, к гнилой богеме он не принадлежал. Вынужден был уехать. Как очень и очень многие русские люди. Потому что не принял октябрь. Как Цветаева. А бесконечно обсуждать — тому или не тому дали Нобеля... всё равно — русскому.

Вообще, всё намного сложнее. Всё подвижно. Прилепин же пытается выставить свою жёсткую систему координат. А ведь у того же Бунина, кроме характеристики Есенина, в «Окаянных днях» есть и о Ленине, и о Маяковском. О Ленине: «жулик», «о, какое это животное!» О Маяковском: «Маяковский, с его злобной, бесстыдной, каторжно-бессердечной натурой, с его площадной глоткой, с его поэтичностью ломовой лошади и заборной бездарностью... Маяковский останется в истории литературы большевистских лет, как самый низкий, самый циничный и вредный слуга советского людоедства...» Так ведь Бунин, по крайней мере, и не подстраивался ни под кого, был верен себе. В словах Бунина много правды. Но и приспособляющийся Есенин — для пророка слишком гуттаперчив, слишком конформист. Ему всегда и везде было неплохо. С эсерами, с большевиками, с царскими князьями, с питерской и московской богемой. За свои слова он никогда адекватно не страдал и не отвечал. Всегда находились заступники, которых никогда не было у Цветаевой. Убеждений настоящих Есенин никогда и не имел. В отличие от тех же Пушкина, Достоевского, Гумилёва, Цветаевой, Ахматовой.

«Божество живых», отринувши страдания — это и есть атеизм без Бога. С «краем земным» Есенин ничем не отличался от большевиков и был им не опасен. Почти полная идентичность. И какая такая «глубинная правда» Есенина в признании большевиков? Подтверждение на тот момент их политической власти и силы? Но никакого отношения к правде это не имеет. Есенин как всегда выбрал побеждающих. Победила бы монархия — дружил бы с великими князьями, как дружил до революции. И другие стихи бы писал. Вот так-то. Серьёзнее всех пострадал Блок. Потому что он не играл в игры. Он всерьёз ошибся. Он принял одно чувство за другое. И поэтому погиб. Поэма «Двенадцать» — это болезнь, надрыв, насилие над собой. Прорыв в его стихи уличной речи он принял за «хождение в народ». Но это не «Борис Годунов», после написания которого Пушкин воскликнул: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!» У Пушкина всё хорошо было. Гениально и точно.

«Царские вооружённые силы стремительно разлагались» — так большевики их и разлагали, желая поражения своей стране в Первой Мировой.

Блок, Белый, Есенин говорили о неизбежности перемен, революции, но по-разному. Блок — как о возмездии элите, оторванной от народа, у Белого — смесь политики и мистики, с уклоном в Шпенглера, Есенин — язычески — пантеистически — старообрядчески (хотя, старообрядцы были истинно верующие, до мученичества, поэтому его «старообрядчество» условно, только как противостояние «казённой» церкви). Переворот был не «банальный», не «злонамеренный», а ужасающий и кровавый, катастрофический, начало большого разрушения. И здесь уже не Прилепина читать надо, а русских историков. Это, кстати, создаёт настоящий контекст и проливает более ясный свет на есенинскую трагедию.

И что значит «брезгливое нежелание разделить с народом его выбор»? Какого народа? Какой выбор? Когда Бунин и Цветаева увидели всю грязь бунта («птицы были пьяные», когда разгромили винные склады — Цветаева) — их охватила не «брезгливость», а ненависть и презрение. Обострение ситуации, предполагаемое Блоком, вовсе не означало по Прилепину предчувствие гражданской войны. «Предчувствие гражданской войны» — красивая фраза и название картины художника. Блок говорил об идеальном очищении, без разрушения храмов, по-

громов, лагерей, расстрелов. Поэтому говорить в этом плане о Блоке не совсем корректно: он верил в очистительную силу революции, без лагерей и террора, до которых он просто не дожил. Что бы он сказал, если бы дожил? Это не просто «перегибы», это системная тирания уже другой власти. И несмотря на все глубинные основы «народной оппозиционности» — без Ленина и большевиков — никакой Октябрьской революции со всеми её последствиями не было бы. Искать «истоки революции» в «национальной русской истории» — небезопасное занятие. Есть явные вещи: восстание Степана Разина, Кондратия Булавина, бунт Емельяна Пугачёва... но делать такие далеко идущие обобщения — совершать, по терминологии экзистенциалистов, «скачок». А вообще, идти на сближение с властью, какие-то контакты с ней поэтам — конкретно с 1917 года — небезопасное занятие. Всё равно, что заигрывать с монстром, находиться под взглядом Василиска. Да, власть может платить по рублю за строчку, издавать книги нужных ей поэтов, но при случае она всегда напомнит, кто в доме хозяин, и кто заказывает музыку. Начнёшь сильно своевольничать — к стенке поставят. Или организуют самоубийство. В этом смысле, по большому счёту, ничего не меняется.

Талант даётся, чтобы его преумножать и совершенствовать, а не убивать и не транжирить. Как потенциальная возможность. Транжирующий и убивающий его может продолжать какое-то ограниченное время что-то творить. Потому что есть, что тратить. Но ведь не это предполагалось Богом в замысле о носителе таланта. Хотя такие произведения всё равно будут отличаться в лучшую сторону от поделок бездарных ремесленников от искусства, в которых нет искры Божьей. И Денница мог бы не пасть. Но пал. И Адам мог бы яблоко не есть. Но ел. И отсюда — вся наша история. Будем мы продолжать блуждать или попытаемся вернуться в Эдем? Революция — это срыв на этом трагическом пути. Провокация. Иллюзия. Скачок. Будем ли мы осознавать происходящее или просто протоколировать события и фантазировать об особой русской душе, делая самоценными грехи и ошибки, боготворя наши страдания и боль?

О последователях, литературных школах. Вообще, говорить об обучении, литературных школах в поэзии — неблагоприятное занятие. Ибо это не слесарному делу обучать (да простят меня слесаря). Поэтому, по сути, никаких литературных школ в реальности нет — всё очень условно. Здесь никакое обучение, как таковое, невозможно. Тут на уровне симпатии, эмоции, импровизации, поиска, совпадения дыхания, пульса, боли. То же общество имажинистов — сборище абсолютно разных поэтов, и по духу, и по стилю, и по уровню, конечно. У символистов ещё что-то вырисовывалось, благодаря Блоку. Акмеисты замесились на другой глине — белой. Да и всех акмеистов-то, по сути, трое: два плюс один — Гумилёв и Ахматова плюс Мандельштам. С Маяковским, например, проще: здесь на первых ролях приёмы, ремесло, метафоры, треск рифмы. Поэтому, внешним образом, удачи более явные: Николай Асеев, Семён Кирсанов... далее — сразу — Пётр Вегин, Андрей Вознесенский, который вобрал в себя и Кирсанова, и Маяковского, и Пастернака. Но Пастернака — в меньшей мере, ибо у самого Пастернака непредсказуемой и непередаваемой поэзии больше, чем у всех вышперечисленных. У Есенина: ближайшие последователи — Вольф Эрлих... на порядок слабее Есенина. Иван Приблудный... местами оригинальный, Есенин его любил... но это тоже не тот уровень, да и мало он после себя оставил — расстреляли слишком рано. Далее, пропуская крестьянских поэтов и имажинистов, тоже ни в какое сравнение не идущих с оригиналом, — Николай Рубцов. И это, с одной стороны, совершенно

другой поэт, что и хорошо, но такого следа в поэзии, всё-таки, не оставивший... С Есениным его роднит нечто природное. Тоска какая-то предзакатная. И предчувствие своей ранней смерти. И тоже нелепый характер. Хотя, бывает ли вообще у поэтов характер «лепый»? И жизнь Рубцова была не легче есенинской, даже более сиротливой — в прямом смысле слова. Далее. Евгений Маркин, Анатолий Сенин, Александр Архипов... Но, тут уже цивилизация вмешалась и обосновалась на полных правах с положительной коннотацией, без всяких противоречий. Да и слабее это всё — бледное подобие левой руки.

Я понимаю, что читателя не должны интересовать подробности личной жизни поэтов... до тех пор, пока какие-то аспекты не переходят красную линию — в отношении к религии, к каким-то пристрастиям: кто чему служит — тот тому и раб. Разве кто-нибудь сейчас, например, вспомнит старшего брата мужа Марины Цветаевой? Но остались гениальные стихи, посвящённые изначально ему: «Мне нравится, что вы больны не мной...» Или Софью Парнок? Но от их отношений остались только гениальные строки, сейчас уже безадресные, как гипотетическому герою, оппоненту поэта, который в реальности может быть, а может и нет: «Под лаской плюшевого пледа...», «Благословляю Вас на все четыре стороны...» Для поэта — изначально — всегда важнее сама поэзия. Она сама и находит для себя повод. Поэтому намёки на личную жизнь Цветаевой и Ахматовой — оставьте при себе. Там — всё поэзия, ставшая больше их личной жизни. Хотя они никогда и ни от кого не отрекались. И написано об этом достаточно. То есть, их критиковать — можно, это в порядке вещей?

Поклонникам Есенина, закрывающим глаза на все его пороки и затыкающим рот его критикам, хочу сказать: не надо говорить от лица всего русского народа и всей русской поэзии, наклеивая на несогласных с вами ярлык «русофоб». Вам никто, господа, этих полномочий не давал. Не надо также уже взрослых людей учить Родину любить. И русский народ — он тоже разный. Кроме того, правду говорить всегда полезно. Если, конечно, хочешь в чём-то разобраться, чтобы предыдущий кошмар не повторился. Иначе наша сегодняшняя жизнь, становящаяся историей, опять превратится в фарс. Тому, кто желает Есенину блага — тот должен почувствовать жизненную трагедию этого человека, молиться за него, чтобы Бог простил его грехи. А если же вы считаете, что прощать ему нечего — ну... тогда это уже не лечится, и история нас ничему не учит. Повторю и про алкоголизм Есенина для тех, кто утверждает, что он «просто выпивал по праздникам»: пил он страшно. Лечился в психоневрологической клинике в 1925 году. Причём, ушедшему из жизни в тридцать лет поэту хватило для этого последних пяти лет его жизни (с 1920 по 1925), ибо в юности он не пил совсем. Столичная жизнь и богема сделали своё дело... Об антисемитизме Есенина. Скажу просто: ну, если он антисемит, тогда и я — тоже. Это вообще отдельная тема, относительно Есенина, в центре этой драмы, конечно же, заклятый друг и враг Есенина — Лев Троцкий. И ещё, и ещё раз: судьба Сергея Есенина — это трагедия гениального русского поэта. И смерть его, по каким бы причинам она ни произошла — логическое завершение всей его жизненной драмы.

По поводу же книги Захара Прилепина, вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей»... Вообще, это очень серьёзная серия, и она должна публиковать только проверенные материалы. А не просто ворох противоречивых фактов и гипотезы, выдаваемые за истину. Тем более, с огромным количеством ненужных подробностей, которые лучше оставить мемуарной литературе. Удачные, на мой

взгляд, биографии: в той же серии ЖЗЛ — Боханов А.Н. «Николай — П», книги Ирвинга Стоуна «Жажда жизни» (о Ван Гоге), «Муки и радости» (о Микеланджело) — там осмысление достигает уровня поэзии. Ничего слишком личного и ничего лишнего. Хотя, это и не «ЖЗЛ». В биографических романах о великих людях лаконичность должна сочетаться с поэтичностью. Точность и ёмкость высказываний. Это и создаёт форму произведения.

О методах работы с историческим материалом гениально сказал наш великий поэт, в своих комментариях к «Истории Пугачёвского бунта» Пушкин пишет: «Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мною описанной, поверяя мёртвые документы словами ещё живых, но уже престарелых очевидцев, и вновь поверяя их дряхлеющую память историческою критикою». Пушкин не жалел времени на двойную проверку фактов. Великолепен цитируемый им ответ Екатерины II Вольтеру — о Пугачёве (выдержка из письма, перевод с французского): «Но до какой степени человек может самообольщаться, видно из того, что он осмеливается питать какую-то надежду. Он воображает, что ради его храбрости я могу его помиловать, и что будущие его заслуги заставят забыть его прошлые преступления. Если б он оскорбил одну меня, его рассуждение могло бы быть верно, и я бы его простила. Но это — дело империи, у которой свои законы. Маркиз Пугачёв, о котором вы опять пишете в письме от 16 декабря, жил как злодей, и кончил жизнь трусом». Великолепный ответ мудрой женщины и императрицы.

А в наш компьютерный век можно, не выходя из дома, добыть все необходимые справки по интернету и учинить медийный скандал, опять же не выходя из дома (это не о Захаре Прилепине)... Но главное в исторических, биографических исследованиях — не мелкие придирки, а сам дух событий, трагедий, их скрытая мелодия, с которой спорить бессмысленно, её услышать надо... Вот над чем думать необходимо, а не заниматься разгромом оппонентов, охраняя табуированные темы. И за трагические ошибки надо уметь держать ответ. Без оговорок на «время такое было». Каждый делает свой выбор и платит за это своей жизнью. «Времена не выбирают — в них живут и умирают». Просто читайте Есенина — он всё сказал в своих стихах. Этого более чем достаточно.

Возникает странное ощущение, что мы всё время опаздываем, говорим уже не о том... не о том, что надо делать уже что-то совсем другое, измениться в понимании и чувствах... Мы зависаем в ненужных рассуждениях и спорах, или успокаиваемся, констатируя свою вечную любовь во веки-веков-аминь к тому, о чём на самом деле необходимо продолжать вопрошать и плакать кровавыми слезами, продолжая мучиться... Хотел же Есенин постричься в монахи — не с бухты-бархты, а на полном серьёзе. Чтобы обрести наконец подлинную свободу и подлинное восприятие Бога. Действительно без посредников. Но для этого и надо... стать монахом в «казённой» православной церкви. Бог поэтов любит. Настоящих. И помогает им творить дальше — в любом облиции. Ряса — не самое худшее.